

3 октября 2026 года отмечается 800-летие со дня смерти святого Франциска Ассизского.

В связи с этой датой Папа Римский Лев XIV провозгласил юбилейный Год святого Франциска, который проходит с 10 января 2026 года по 10 января 2027 года.

Иван Данилов

НОВОЕ ФРАНЦИСКАНСТВО. Случай БГ

В песне БГ «Сумрак» («Ночью все кошки серы...»), впервые обнародованной в конце 2024 года и теперь вошедшей в альбом «Странные новости с далекой звезды» (2026), я услышала слова: «Меня учила жить моя сестра смерть» - и сразу вокруг этих слов оформилось целое поле смыслов, выстроились мотивы других песен БГ, старых и новых, говорящих о родстве его мироощущения с францисканством, духовным движением европейского средневековья.

(Читателю этих заметок хорошо бы в процессе чтения слушать упоминаемые песни – цитация текстов БГ без музыки и голоса выглядит по меньшей мере странно, потому что речь идет не о стихах, положенных на музыку, а о сочинениях другого жанра, возвращающего песню в изначальное, синкретическое ее состояние, когда еще не разделились танец, музыка и слово. Текст на бумаге – слабая тень живой песни, всего лишь отсылка к песне, будем это учитывать в разговоре.)

«Сестра смерть» - цитата из самого, наверное, известного гимна Франциска Ассизского «Песнь брата Солнца, или Похвала творениям»: «Хвала Тебе, Боже мой, о сестре нашей смерти телесной, ее же никто из живых не избегнет» (пер. О.Седаковой). По преданию, Франциск положил на музыку этот свой гимн, но музыка не была записана и до нас не дошла. «Сестра смерть» прочно вошла в житийный канон и закрепилась в иконографии св. Франциска – в барочной живописи XVI-XVII веков есть десятки его изображений с черепом в руках (Сурбаран, Эль Греко, Караваджо, Рибера).

Появление «сестры смерти» в песне БГ глубоко неслучайно: с одной стороны, мы знаем, что автор не так давно был на грани смерти и чудом остался в живых, а с другой – такое простое, будничное родство со смертью было всегда для него органично и вместе с тем идеологически важно, отсюда демонстративные банданы с черепами и неизменный участник концертов – собственно череп, всегда воздвигаемый на сцене на видное место.

Можно вспомнить о «памяти смертной» Иоанна Лествичника, об отношении к смерти в буддизме и индуизме, об античном *memento mori*, можно искать сходства и различия – можно, но здесь не нужно. Мы ведь говорим не о богословском учении, которому привержен или, скорее, не привержен автор, а о его художественном мире, в котором действует своя, нерациональная логика. Сборный пантеон богов и героев БГ не вмещается ни в какую традицию или конфессию и принадлежит лишь ему самому. Так и отношение к смерти – оно ниоткуда не заимствовано, но мы можем его соотнести с чем-то, известным нам в истории.

БГ нередко упоминает Франциска Ассизского, называет его «любимым» («Аэростат»-241, 2009) и советует «всем не успевшим впасть в общепринятый цинизм

душам» смотреть фильм Франко Дзеффирелли «Брат Солнце, сестра Луна» (1972) – о жизни Франциска. В другом выпуске «Аэростата» (138, 2008) он приводит «Простую молитву» Франциска:

Господи, сделай меня инструментом твоего покоя;
 Среди ненависти – позволь мне посеять любовь;
 Среди обид – прощение;
 Среди сомнения – веру;
 Среди отчаянья – надежду;
 Среди тьмы – свет;
 Среди печали – радость.
 О Божественный Владыка, дай мне
 Не столько стремиться быть утешенным, как утешать;
 Не столько стремиться быть понятым, как понимать;
 Не столько быть любимым, как любить;
 Потому что отдавая, мы получаем,
 Прощая – обретаем прощение;
 Умирая – возрождаемся к вечной жизни.

Впоследствии БГ записал своим голосом другой перевод, тоже анонимный, более совершенный. А мне хочется здесь привести перевод совсем новый и самый, на мой вкус, поэтически точный:

О Господи! Сделай меня орудием Твоего мира:

туда, где ненависть, чтобы я нес любовь
 туда, где обида, чтобы я нес прощение
 туда, где разлад, чтобы я нес единство

туда, где сомнение, чтобы я нес веру
 туда, где заблуждение, чтобы я нес истину
 туда, где отчаяние, чтобы я нес надежду;

туда, где печаль, чтобы я нес радость
 туда, где тьма, чтобы я нес свет.

О Учитель, сделай, чтобы не столько искал я

быть утешенным, как утешать
 быть понятым, как понимать
 быть любимым, как любить.

Ибо

отдавая, мы получаем

прощая, мы прощены
умирая, мы воскресаем к жизни вечной.

Аминь¹.

На самом деле эта молитва не принадлежит Франциску – она появилась лишь в 1912 году, была ему приписана, переведена с французского на все языки и остается по сей день самым известным его текстом. Это не подделка в привычном смысле слова, а сильная концентрация францисканского духа и пример того, как он передается и развивается во времени, то есть продолжает жить, в частности, в неизвестном авторе XX века, который смог так точно уложить в «простую молитву» то, что людям нес Франциск.

Духовное учение, то или другое, кажется мне ценным настолько, насколько оно может прорасти сквозь время в самой жизни. Именно такое новое, свежее, не книжное францисканство чувствуется во многих песнях БГ, в основе его – не начитанность автора в средневековой литературе, а родство глубинных интуиций, и является нам это новое францисканство в ритмах рок-н-ролла, так что можно его и не узнать. Но Дух веет где хочет, а узнаем мы его или нет – это уже про нас.

Герой БГ со смертью накоротке, от попыток приручить ее («Здравствуй, моя смерть, / Я рад, что мы говорим на одном языке...»), от ранней дерзкой «Заповедной песни» («А когда, наконец, смерть придет ко мне спать, / Она ляжет со мной в тишине...»), он проходит путь к спокойному приятию смерти как одного из событий в череде дней:

А я, брат, боюсь - а ты, брат, не бойся.
Принесло дождем - унесет по ветру.
А если я умру - ты не беспокойся,
Просто потерпи, станет легче к утру...

«Если принять, что мы все умрем, жизнь вдруг становится элементарно простой и невероятно ценной – каждую секунду», говорит БГ (интервью Радио Голос Берлина, декабрь 2025).

Жизнь ввиду смерти оборачивается в песнях БГ не страхом Божиим, а полным доверием Творцу, готовностью принять Его волю в любых поворотах судьбы: «Научи нас видеть Тебя за каждой бедой» («Никита Рязанский»), «Посмотри мне в глаза / И скажи что это воля Твоя» («Песни нелюбимых»), «Я без тормоза, / Я на пределе, / Но все что Ты даешь, / Принимаю» («Махамайя»). И в этом доверии – источник радости, наполняющей песни БГ, а страх в этом мире связан лишь с чувством собственного несовершенства: «Страх, что мы хуже, чем можем, и радость того, что все в надежных руках» («Сидя на красивом холме...»).

Напомню, что в преданиях о Франциске немало рассказов о том, как он принимал важные решения: ни шага в своей жизни он не делал без благословения

¹ Франциск и его братья. Выбор текстов, перевод и комментарии Ольги Седаковой. М., Гранат, 2026. С. 133

Небес, без знака, которого искал, ждал и получал свыше, и только когда получал знак, тогда и начинал движение. Ср. у БГ: «Смотри на небо ошеломленными глазами, / Но не предпринимай ничего, / Пока я не дам тебе знак» («Знак»).

Радостное христианство, путь «совершенной радости» в единстве с Творцом и его Творением – главное в учении Франциска. В ряду ценностей, проповедуемых БГ, радость тоже занимает первое место: «...как ужасающе редко нам удаётся действительно принести друг другу радость - а ведь это - то единственное, зачем мы здесь. Потому что каждый из нас в мире всегда один наедине с Богом. И, принося радость другим, ты приносишь радость Богу» («Аэростат» 721, март 2019). Тема радости звучит лейтмотивом в разных песнях БГ, ранних и поздних, самая известная из них, знаковая песня - «День радости».

Цитируя и подробно комментируя «Притчу об истинной и совершенной радости» Франциска, БГ связывает «совершенную радость» с чистотой сердца («Аэростат»-153, 2008); в другом месте он говорит о том, что «подлинная радость» возможна только здесь и сейчас – «и один взгляд на небо целиком это подтверждает» («Аэростат»-873, 2022). Францисканская любовь к творению разлита в песенном мире БГ – любовь и радость от созерцания небес, звезд, стихий, всякой твари и всего растущего на земле.

Франциск вошел в европейскую историю как покровитель всего живого, его житийный образ включает в себя такие эпизоды, как проповедь птицам и рыбам, дружба с губбийским волком, с горлицей и жаворонками, с пчелами и цикадой, с которой они вместе пели хвалу Господу. В красоте небесных светил и природных стихий он видел красоту и благодать Творца:

Хвала Тебе, Господи Боже мой, о всех твореньях Твоих,
и прежде всех – о господине брате солнце,
Коим день озаряется, коим и мы просвещаемся;
И велик он и лучезарен, и во многом блистании
Твое, Господи, носит он знаменование.
Да хвалят Тебя, Господи мой, сестра луна и звезды ясные,
В небесах Тобой сотворенные, светлые, драгоценные, прекрасные.
Хвала Тебе, Господи мой, о брате ветре,
о воздухе и тумане, о ясной и ненастной погоде:
Ибо ими промышляешь Ты о всей твари Твоей, о всяком роде.
Да хвалит Тебя, Господи, сестра наша вода,
Ибо она весьма усердна и смиренна, и полезна и чиста.
Хвала Тебе, Господи мой, о брате огне, коим озаряешь Ты ночь:
Ибо крепок он и отраден, и грозен, и весел, и могуч.
Хвала Тебе, Господи мой, о сестре нашей, матери земле сырой:
Ибо она и держит нас и носит, и одаряет
всяческими плодами и разноцветными цветам и травой.

«Песнь брата Солнца, или Похвала творениям», пер. О. Седаковой

Мотивам этой «ритмической молитвы» (С.С. Аверинцев) есть много параллелей у БГ, приведем из них самые очевидные:

А поутру в поле – крестная сила.
 Поутру в поле – Боже, как красиво!
 Боже как красиво – мое сердце на воле.
 Вот мы – поутру в поле.

.....

По пояс в траве босыми ногами.
 Вот, мы пришли – мы танцуем с Богами.
 Небо и земля – вот наша доля!
 Нам дали вольную поутру в поле.

Или:

Встань у реки, смотри, как течет река;
 Ее не поймать ни в сеть, ни рукой.
 Она безымянна, ведь имя есть лишь у ее берегов;
 Забудь свое имя и стань рекой.

Встань у травы, смотри, как растет трава,
 Она не знает слова «любовь».
 Однако любовь травы не меньше твоей любви;
 Забудь о словах и стань травой.

Или такое:

Анютины глазки, да божьи коровки
 Нас не узнают, мы придем в обновке,
 В новых одеждах, с новыми глазами.
 Они спросят: «Кто вы?» - «Догадайтесь сами».

.....

Во дворе поленья, а на них кошка.
 Хватит лить слезы, посмотри в окошко,
 Какое там небо, какие в нем краски.
 Божьи коровки да анютины глазки.

Братская нежность связывает героя БГ с травами и птицами, он знает их язык, он обращается к дереву или кусту и так говорит со всем с мирозданием:

Ты - дерево, твой ствол прозрачен и чист
 Но я касаюсь рукой и ты слышишь меня.
 Ты - дерево, и я как осиновый лист,
 Но ты ребенок воды и земли, а я сын огня.

Или:

Оторвись от земли, Северный Цвет;
 Ты знаешь, как должно быть в конце;
 Отпой меня нежностью

Своей подвенечной земли,
Я не вижу причин, чтобы быть осторожным -
В доме зверь, Вороника на крыльце.

«...С небом, рассветом, реками и облаками я всю жизнь ощущал – и ощущаю до сих пор – глубинное родство» - признается БГ («Аэростат»-1012, 2024); как и у Франциска, это родство имеет в песнях БГ вертикальное измерение и сопровождается не только радостью и нежностью, но и благодарностью Творцу:

...все, что я хотел,
Становится ветром, и ветер целует ветви.
И я говорю: спасибо за эту радость!
Я говорю: спасибо за эту радость!
Пока цветет иван-чай, пока цветет иван-чай...

Сравним со свидетельством первого биографа Франциска Фомы Челанского: «...Если где-нибудь встречалось ему большое множество цветов, он подходил к ним и им проповедовал, призывая воздать хвалу Господу, словно и они были наделены разумом. Так же колосья и виноградные гроздья, камни и леса, воды источников и зелень садов, саму землю и огонь, воздух и ветер он в целомудрии душевном склонял возлюбить Господа и ободрял их воздать Ему хвалу» (пер. Л. Сумм)².

Особое место в мире БГ занимают птицы, с которыми общается или идентифицирует себя герой («Ласточка», «Сокол», «Фигура религиозная» и др), но одна из его песен о птицах как будто написана прямо по мотивам легенды о Франциске, по следам знаменитого эпизода из «Цветочков», давшего одну из главных тем его иконографии (Джотто, Бенедикто Готццолли), - Франциск читает проповедь птицам, они его слушают со всем вниманием и явным пониманием и не хотят улетать без благословения:

«Наконец, завершив свою проповедь, святой Франциск осенил их крестным знаменем и дал им позволение разлететься. И тут все эти птицы вихрем, одной огромной стаей поднялись в воздух с дивным пением и затем, следуя начертанию креста, которым их осенил святой Франциск, разделились на четыре части: одна часть полетела на востоке, другая на запад, третья на юг, четвертая на север, и каждая из этих стай летела с прекрасным пением, знаменуя тем, что как Святой Франциск стал знаменосцем креста Христова, сказав им проповедь и изобразив на них крестное знамение, по линиям которого они разделились, разлетаясь с пением во все концы света, так и проповедь креста Христова, обновленная святым Франциском, должна через него и через его братьев разнестись по всему миру»³.

Птицы, осененные благословением Франциска, перелетают через время и пространство – и вот мы видим их глазами БГ:

² Истоки францисканства. Пер. О. Седаковой, А. Топоровой, Л. Сумм. Movimento Franciscano—Assisi, 1996. С. 267

³ Франциск и его братья. Выбор текстов, перевод и комментарии Ольги Седаковой. С. 195 – 196

Крестовый поход птиц
 Начался в Чистый Четверг -
 Едва уловимая рябь вдоль крыш;
 По слову пернатых святых –
 Проникновение вверх;
 Радость моя,
 Ты всё равно спишь.

Долго мы жили впотьмах,
 И там был потерян ключ,
 И нас замела круговерть
 Сентября
 И когда уже нечего ждать –
 Зелёный луч
 Радость моя,
 Я знал, что не зря.

Скажи, как нам петь Тебя,
 И когда меркнет свет – пересвети;
 Зажги мне руки, чтобы я
 Мог взять это небо как нож
 И вырезать нас из сети.

Слово становится плоть,
 плоть становится пыль,
 И губы сжигает страх
 Пустоты;
 И в зареве летних звёзд,
 В конце тропы
 Господи мой,
 Кто, если не Ты?

.....

Тут много характерного для поэтики и образного мира БГ – переадресация внутри песни, тема огня, тема света, зеленый луч... Но главное – это взгляд и движение вверх, вослед «пернатым святым», совсем как у Франциска, и это движение строит песню, дальше она развивается как личный разговор с Богом, такой простой всегда у БГ.

Из немалого числа его «птичьих» песен назовем еще одну, в которой францисканский дух особенно ощутим – прежде всего в интонации, но и в самом сюжете о «голубином слове», которым человек говорит с Богом и Бог говорит с человеком:

Нарисованное ветками сирени,
 Написанное листьями по коже,

Самым своим последним дыханием
 Я скажу: Господи, любимый, спасибо
 За то, что я сподобился видеть,
 Как ты сгораешь в пламени заката,
 Чтобы никогда не вернуться,
 Потому, что ты никуда не уходишь...

<...>

Значит, еще перед одним раскроется небо
 С сияющими от счастья глазами,
 Дела Твои, Господи, бессмертны
 И пути Твои неисповедимы -
 И все ведут в одну сторону...

Напишите это слово на камне,
 Раскрасьте его северным сиянием,
 Наполните голубиной кровью
 И забудьте навсегда, что оно значит.
 Голуби возьмут его в небо,
 Так высоко, что больше не видно
 И небо расколется на части,
 Но об этом никто не узнает.
 А мы сгорим в пламени заката,
 Чтобы остаться навсегда в саду над рекою,
 Потому что, это нашими губами
 Ты сказал однажды раз и навсегда
 Голубиное слово.

Голубь как образ Святого Духа, цитата из «Послания к Римлянам» апостола Павла, отсылка к духовному стиху о «Голубиной книге», – это тонкие нити связи с традицией, но главное в песне – таинственный, ни на что не похожий центральный образ «голубинового слова», скрепляющего личный завет между человеком и Богом. В песне говорится об откровении, но она сама и есть такое откровение, «голубиное слово», сошедшее на автора и возвращаемое им на небеса.

Небо – главная тема БГ, и не только тема, но главный ориентир его песенного мира. Про детское свое открытие неба автор рассказывал не раз: «...я отчетливо помню, как заболел, не пошел в школу – и смотрел в окно. А там, над крышами серых пятиэтажек, был просвет ясного неба с белоснежно белыми облаками, и более надежного обещания, опоры и прибежища в мире и быть не могло. И так оно продолжает быть и по сей день» («Аэростат»-1043, 2025). Небо вошло в песни БГ с первых «исторических» альбомов «Аквариума» и неизменно присутствует в них как что-то близкое, как родной дом: «Небо становится ближе с каждым днем» «А небо становится ближе, так близко, что больно глазам» («Ангел»), «Нигде нет неба ближе чем здесь» («Псалом 151»), «Там, где небо так близко, что можно подать рукой...» («На

берегу пруда») и, наконец: «И мы течём, как река, / С неба, где наш дом, / В небо, где наш дом («Еретик»).

Но вертикальное измерение присутствует в песнях БГ независимо от того, упомянуто там небо или нет, - оно записано в самый строй песен, в их мелодику и ритмы, оно звучит в интонациях и в голосе автора. О чем бы и о ком бы ни пел БГ, отсвет невидимых миров есть в его песенных сюжетах и в его многочисленных и очень разных героях, - отсюда те сильные экзистенциальные переживания, какие получает слушатель этих песен, именно слушатель, а не читатель текстов на бумаге. Слушатель получает радость от приобщения к чему-то большому, чем он сам, при этом ему предлагается путь прямого откровения, связь без посредников, он просто должен поверить автору, его интуиции, его видениям, - например, принять Благую Весть, приходящую на землю в образе Тайного Узбека, а не в традиционно-конфессиональных формах.

Учение Франциска, как рассказывают его биографы, выросло исключительно из личного опыта, из откровений, данных ему напрямую. Он никогда не выступал против церкви, но и не прибегал к ее посредничеству, - вместе с братьями он пошел своим путем, минуя догматическое христианство. Формы исповедания веры у Франциска и его братьев были на тот момент достаточно экзотическими (бродяжничество, нищенство), а когда Франциск в критические моменты жизни представал нагим перед людьми, демонстрируя полное отречение от всего земного в подражание Христу, это выглядело как проповедь самой радикальной формы, не менее радикальной, чем в песне БГ «Сын плотника»:

Когда глаза закрыты, что небо, что земля - один цвет.

Когда глаза открыты, что небо, что земля - один цвет.

Я не знаю, в кого ты стреляешь, кроме Бога здесь никого нет.

Так дуй за сыном плотника. Ломись к началу начал.

Дуй за сыном плотника, жги резину к началу начал.

Когда ты будешь тонуть, ты поймешь, зачем был нужен причал.

Всю истовость этой проповеди можно прочувствовать только на слух, в тексте же она выражена чисто стилистически, через просторечное «дуй» и идиому «жги резину», означающую экстремальное вождение; при этом слова «кроме Бога здесь никого нет» восходят к известному еврейскому мидрашу.

В неконвенциональной религии БГ есть устойчивые темы и образы сугубо личного характера, но неожиданно оказывается, что они прямо соотносятся с ключевыми темами житийной биографики Франциска. Одна из них – тема огня и горения, занимающая в личной мифологии БГ центральное место: «Я вышел из пламени, отсюда вся моя спесь...» («Послезавтра»), «Я сын огня» («Дерево»), «Я иду в огне, но я не сгораю...» («Неизъяснимо»), «Я не могу без огня» («Бурлак»), «Мои крылья цвета такого огня, что, Господи, помилуй их и спаси...» («Черный лебедь») и т.д. Вспомним альбом «Знак огня» и, наконец, песню «Сокол», за которой стоит большая поэтическая традиция «смерти в воздухе», от «Лебедя» Державина до «Осеннего крика

ястреба» Бродского, и герой которой улетает в небо, чтобы «сгореть и вернуться». Но сама тема огня имеет не книжное происхождение: «Огонь не просто важная для меня стихия, он жизненная необходимость. Я с детства не мог от него оторваться. Приходилось прятать от меня все легковоспламеняющиеся...», - рассказал БГ в интервью «Коммерсанту» (2021).

Биографы Франциска донесли до нас эпизоды особых его отношений со стихией огня – недаром огню посвящены стихи в «Похвале Творению»:

Хвала Тебе, Господи мой, о брате огне, коим озаряешь Ты ночь:

Ибо крепок он и отраден, и грозен, и весел, и могуч.

(Пер. О.Седаковой)

Франциск так любил и почитал огонь, что не мог его тушить, и когда надо было загасить свечу или факел, просил об этом братьев. И огонь отвечал ему тем же почтением. В биографии Фомы Челанского есть такой эпизод – Франциску лечили его слепнувшие глаза раскаленным железом, и он уговорил огонь не жечь его: «Брат мой огонь, красота твоя несравненна среди всех творений! Всевышний сотворил тебя могучим, прекрасным и полезным. Будь же милостив ко мне теперь, будь любезен! Ибо с давних пор я полюбил тебя в Господе». И огонь послушался и не жег Франциска⁴.

Дружество святого с огнем глубоко значимо в контексте новозаветной символики: огонь – символ не только Святого Духа, но и крещения и очищения во Христе: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Евангелие от Луки, 12: 49). У БГ тема необжигающего огня, с которым можно договориться, появляется вне христианского контекста, в молитве, обращенной к совсем другим богам («Махамайя»), но если отвлечься от религиозных и культурных различий, от земных перегородок, которые до неба не доходят, то по существу речь идет об одном и том же – о месте человека в мире, о его личной связи с Богом через стихии.

Есть и другие лейтмотивы песен БГ, соотносимые с францисканскими ценностями. Один из них настолько устойчив, что случайным он быть не может: «Легко по снегу босиком если души чисты» («Волки и вороны»), «По пояс в траве босыми ногами / Вот, мы пришли – мы танцуем с Богами» (Поутру в поле), «...И я смотрю, как наша душа / Выходит босая на новый шёлковый путь» («Новый шелковый путь»), «Моей ноги давно не оскорбляла подошва» («Бог Зимогоров») «И когда в циклопических снах ты идешь анфиладой запертых комнат, / Загнанный в угол, босой» («Соль»), «И теперь только вниз босиком» («Голубой огонек»), «Вот она – пропасть во ржи / Под босыми ногами ножи» («Мама, я не могу больше пить»), «Но кто из них шел по битым стеклам / Так же грациозно, как ты?» («Юрьев день»), «Мы все равно идем по стеклу, даже если под ногами трава» («5 утра»). Контексты разные и конкретные смыслы мотива разные, но все же они собираются в одно: босоноготь – это отказ от материальных благ, легкость, свобода от условностей, прямой контакт с миром, с землей, травой, но и особая чувствительность, незащищенность, готовность к боли.

⁴ Франциск и его братья. Выбор текстов, перевод и комментарии Ольги Седаковой. С. 212

Франциск и его братья отказались от обуви в знак смирения и странничества, отречения от всего земного, в знак полной Нищеты, с которой Франциск обручился как с невестой, чтобы она привела его к Богу. Позже и другие монашеские ордена последовали за Франциском (**discalceati** – «босоногие» кармелиты, капуцины), но он был первым «босоногим», и это закрепилось за его образом в искусстве (Джотто, Беноццо Гоццолли и др.). В 11 песни «Рая» Данте рассказывает, как призванные Франциском обращались в его веру:

Бернарда первым обуяло рвенье,
И он, разутый, вслед спеша, был рад
Столь дивное настичь упоенье.

О, дар обильный, о, безвестный клад!
Эгидий бос, и бос Сильвестр, ступая
Вслед жениху; так дева манит взгляд!
(Перевод М.Лозинского)

В переводе Лозинского не очень понятно, что новообращенные разуваются буквально на ходу, одним символическим жестом означая свой разрыв с прошлым и радость освобождения, от всего, чем они обладали, что привязывало их к земле. Босыми ногами они выходят за Франциском на новый путь жизни. При всех очевидных различиях, нельзя не почувствовать в «босоногих» мотивах некоторых песен БГ того же мироощущения, той же легкости, радости, свободы, особенно там, где речь напрямую идет о душе, которая «выходит босая на новый шелковый путь».

В песне «Бог Зимогоров» «босоногий» мотив («моей ноги давно не оскорбляла подошва») связан с идеологией бродяжничества, близкой автору. Комментируя песню, он пояснил, что слово «зимогор» означает «босяк», «бродяга», «оборванец» («Аэростат»-1006, 2024). Ключевой стих в песне – «Не спрашивай меня, как дела, / Я не смотрю вниз». Герой БГ чаще всего смотрит вверх – «в небо, где наш дом».

Как-то БГ спросили, почему он много лет материально поддерживает фонд «Ночлежка». Он ответил: «...я всегда ощущал определенную духовную близость с бомжами. Собственно, я сам всю жизнь прожил “без определенного места жительства”. Я с огромной благодарностью отношусь к местам, в которых мне доводится жить, но никакого “дома” на этой земле я так и не обнаружил и сомневаюсь, что обнаружу» (интервью «Коммерсанту», 2021).

Весь этот комплекс мотивов и образов, конечно не равен францисканству, но в чем-то важном смыкается с ним. Описывая песенный мир БГ, мы сохраняем «живое ощущение дистанции между святостью и всеми на свете культурными ценностями» (С.С. Аверинцев)⁵ – дистанции, да, но не границы, разделяющей наглухо культуру и религию как формы жизни духа. Недаром Франциску так много внимания уделяли философы и поэты, а в России начала XX века он стал, по слову В.В. Розанова

⁵ Истоки францисканства. С. 15

«литературным русским святым»⁶ - о нем писали Д. Мережковский, С. Дурьин, Л. Карсавин, Н. Бердяев, Вяч. Иванов, М. Кузмин, М. Волошин... Но БГ, кажется, воспринял Франциска через головы предшественников – скорее, он нашел его в своей душе.

Францисканство – лишь одна сторона песенного мира БГ. Все зависит от ракурса, и если посмотреть на этот мир со стороны буддизма, даосизма, индуизма или суфизма, то можно выстроить не менее убедительные параллели с книгами восточной мудрости, - в частности с теми, которые БГ много лет переводил и перевел наконец на русский язык, а именно с «Упанишадами» и «Бхагавад-гитой». Так высвечиваются другие грани большого мира БГ, цельного в своей множественности, и стоит за этой цельностью неписаная всемирная религия любви: «...Христианство, мусульманство, индуизм, буддизм, даосизм, синто – разница между ними, как между словами “любовь”, “l’amour”, “love”. Произносится по-разному, а значит одно и то же» - поясняет автор («Аэростат»-1070, 2025)

Есть в песнях БГ и совсем другое – гротеск, абсурдизм обэриутского толка, разного рода фантазмы, хтонь и острая современность. Все это несет на себе сильную печать личности автора, с которым слушатель его песен имел возможность пройти большой путь, разделяя с ним переживания самого разного спектра. Но главным уже полвека остается все то же: «...мир светится неизвестными дотоле красками, и мы опять, как Франциск Ассизский, гладим оленей по голове и влюблены в мир» («Аэростат»-71, 2006).

⁶ Розанов В.В. Религиозный «эklektизм» и «синкретизм» (1911) - https://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_religiozniy_eklektizm.html